

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ЛИТВА

3 ИЮН 1975

г. Вильнюс

КТО из нас, бывших учеников Николая Андреевича, может когда-нибудь забыть то счастливое время жизни, когда им руководил великий учитель. Я колебался, быть мне певцом (недурным баритон) или композитором (тяга к творчеству). Приехав в Петербург в 1902 году, был принят в класс пения к профессору С. И. Габелю. Спускаясь после экзамена по лестнице вниз, вдруг решил показать свои «опусы» Николаю Андреевичу. Смелая, почти дерзкая мысль эта так захватила меня, что, недолго думая (благо, при мне были мои «опусы»), очутился я у двери класса Николая Андреевича. Остановился. Перевел дыхание и предстал перед грозным, как мне тогда казалось, вершителем моей судьбы. Глазунов, Лядов, которых я знал только по фото, дополняли волнующий меня триумvirат.

Я пел, играл свои «опусы», горячась. Меня глубоко поразили то внимание и даже заинтересованность, с которыми экзаменаторы слушали мои скромные, робкие творческие попытки. И... о, радость! Принят в класс композиции Николая Андреевича.

Первый курс (спецгармонию) вел А. К. Лядов, серьезный, малообщительный. Строгий профессор был очень требователен к нам. Лениость, небрежность казнил беспощадно. Мелкие, задаваемые нам изредка музыкальные формы, написанные с любительским налетом, нередко сопровождал словами: «Точно приготовили для «Ну-велиста»*».

Изредка приходил на уроки Николай Андреевич, прислушивался к работам учеников. Небольшой класс в одно окно на втором этаже консерватории, старого типа рояль, стол и несколько стульев — скромная обстановка класса, который теперя стал «музеем» и поныне бережно и свято хранит память о великом композиторе.

Преданный нам всей душой, неутомимый, всегда корректный, терпеливый Николай Андреевич умел к каждому из нас подойти с отеческой заботливостью. Считаюсь с индивидуальными задатками и особенностями каждого ученика, не принуждал, не навязывал того направления творчества, которое было нам не сродни. Только формалистические уклоны

ученика вызывали строгое неодобрение учителя. Как педагогически совершенные образцы музформы и стиля профессор рекомендовал нам русскую и западную классику. У Римского-Корсакова долгой педагогической практикой былработан свой собственный способ преподавания: больше практики, меньше теоретической «суши».

Николай Андреевич ценил и

хороший почерк Римского-Корсакова был всегда ясен в оригиналах его рукописных писем и разборчив, так и остроумные афоризмы, интересные сопоставления и параллели, приводимые находчивым профессором, при прослушивании работ, убеждали ученика в безусловной правоте всех замечаний и поправки Николая Андреевича, с которыми нельзя уже было не

Возвращаясь в Петербург с проработанным вместе с У. Ф. Тюменевым либретто, я успел написать под руководством Николая Андреевича и первый акт этой оперы...

Помню и такой эпизод. Меня пригласили дирижировать симфоническим концертом в Вильнюсе. Когда я сказал об этом Николаю Андреевичу, он убедил меня не отказываться и дал ряд ценных советов. Так началась моя довольно долгая карьера симфонического дирижера, и благословил меня все тот же «добрый гений».

А как было радостно сидеть в Мариинском театре в ложе рядом с Николаем Андреевичем на репетиции оперы «Золотой петушок», глядя в развернутую партитуру, и слушать интересные замечания автора...

Неоценимы «реликвии-подарки» Римского-Корсакова, которых я удостоился: клавиш «Золотого петушка» с дарственной надписью и корректура партитуры «Китежа» с собственноручными исправлениями Николая Андреевича.

При окончании в 1908 году консерватории я пишу дипломную работу вместо обычной кантаты — трехактную оперу «Цыгане» на свое либретто по мотивам А. Пушкина. Оба профессора Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов внимательно следят за моей работой.

Опера одобрена художественным советом и принята к постановке. Под неустанным наблюдением Николая Андреевича я заканчиваю оркестровку. Заботливый профессор является на репетиции моих «Цыган» и внимательно следит за работой. Однажды, прощаясь, он сказал: «Знаете, о чем я буду думать, возвращаясь отсюда домой? Как лучше переинструментировать некоторые места в увертюре вашей оперы».

8 мая 1908 года — первый спектакль. Опера пользуется успехом. Автора и его профессора публика требует на сцену. Я — лауреат Петербургской консерватории... А через месяц я был потрясен известием о смерти Николая Андреевича, оставившего светлую, незабываемую страницу в моей музыкальной жизни.

Публикацию подготовила
О. КЯУШАЙТЕ,
старший научный сотрудник
Государственного архива
литературы и искусства
Литовской ССР.

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

4 июня исполняется 100 лет со дня рождения композитора, народного артиста Литовской ССР Константина Галкаускаса. Общественная и творческая деятельность его непосредственно связана с Вильнюсом. Очень важный этап в творческом развитии композитора — учеба в Петербургской консерватории, в классе Н. Римского-Корсакова. В Государственном архиве литературы и искусства Литовской ССР хранятся воспоминания К. Галкаускаса о Н. Римском-Корсакове. С некоторыми сокращениями публикуем их сегодня.

оберегал в каждом особенностях его натуры. И будь то легкий жанр, пробивающий себе дорогу в творчестве ученика, он не встречал высокомерия, как бы снисходительности профессора, если произведение свидетельствовало о его творческих возможностях.

Один за другим на уроке прослушивались симфонические отрывки: у кого квартет, у кого романс, фортепьянная пьеса и т. п. Если что-нибудь нравилось, Николай Андреевич, слушая, насистывал в унисон, тербя свою бороду. Глаза излучали тепло. Никогда не забуду, как однажды, прослушав мою работу, Николай Андреевич сказал: «А ведь стилек-то не удался. На вашем столе красуются, чередуясь в беспорядке, вот! изысканные блюда, а рядом — самые примитивные снэды: горох с капустой, никак не вяжущиеся со своими соседями».

Глаза профессора, устремленные на озадаченного, краснеющего ученика все-таки смотрят ласково. Когда в следующий раз я исправил свое неудачное «меню», Николай Андреевич, разглаживая бородку, похвалил меня: «Вот это так. И всегда так!».

Как типично заостренный, удлиненный, тончайшей штри-

согласиться. Николай Андреевич не был «пианистом». Но когда случалось ему продемонстрировать на фортепьяно какой-нибудь понадобившийся свой или чужой образец, или повторить в новой редакции эпизод работы ученика — всегда так непринужденно, просто, но содержательно, — длинные тонкие пальцы профессора, ложась на клавиши, как бы лаская их, волновали нас, учеников, своей правдой и чистотой.

Учитель со всеми держался одинаково, никого не выделяя и никого не обделяя. «Ни эллин, ни иудей» — все были равны. Только лень и нерадение были недругами профессора. Вспышек гнева у Николая Андреевича не помню. Он очень ценил работоспособность. Я за время учебы не пропустил ни одного урока и никогда не приходил к Римскому-Корсакову «с пустыми руками». Это меня сблизило с профессором, и однажды он принес в класс написанное У. Ф. Тюменевым (либреттистом «Пана Воеводы» и «Царской невесты») для Римского-Корсакова новое оперное либретто «Мизерере» и отдал его мне. Композитор направил меня к автору либретто в его имение, где я пробыл целую неделю.

* Музыкальный журнал того времени.